

З. Н. СОКОВА

профессор кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Долгое время в отечественной историографии Западная Сибирь выпадала из списка территорий, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции. Проблемы, связанные с религией и культурой ислама, изучались в основном на примере Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Наоборот, исследования, посвященные Западной Сибири, практически не затрагивали проблематики межконфессиональных отношений. Тюменский регион в этом отношении не представлял исключения. Краеведы воспринимали свою малую родину как моноконфессио-

нальную территорию, а так называемых «иноверцев» — как неких «нацменов», но не носителей иной социокультурной системы. Между тем присутствие «магометанского» компонента среди населения края и в дореволюционное, и в советское время было ощутимо. Так, по данным переписи 1920 г., народы, исповедовавшие мусульманство, составляли примерно 70 тыс. человек, или 6,7% населения Тюменской губернии [1]. Они были представлены главным образом сибирскими татарами — 62 тыс. человек, а также башкирами и бухарцами [2].

Российские востоковеды в своем большинстве признают значительный ущерб, который нанесла советская антирелигиозная политика традиционным устоям жизни народов, исповедовавших ислам. Однако, соглашаясь с этим выводом, нельзя не обратить внимания на такую примечательную деталь: эта политика по отношению к разным мусульманским этносам носила дифференцированный характер. Давление на верующих в Средней Азии, Закавказье или на Северном Кавказе было более сдержанным, чем на «российских» мусульман, в том числе Тюменского региона, где они даже не воспринимались властями как представители дар аль-ислам («мира ислама»).

Правда, в обстановке Гражданской войны большевистская партия, стремясь ослабить внутреннюю оппозицию, была заинтересована в сотрудничестве с мусульманской религиозной элитой, под влиянием которой находились массы социальных «низов». Она также не могла не учитывать преимущественно добрососедский характер отношений, сложившихся между русскими и иными этническими группами, особенно в районах их совместного проживания. Неслучайно, в одном из первых документов советской власти — обращении СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.) верования, национальные и культурные учреждения приверженцев ислама объявлялись «свободными» и даже «неприкосновенными» [3].

В этих условиях в первые годы советской власти в Тюменской губернии продолжали функционировать религиозные мусульманские общества и мечети, за общинами верующих сохранялись их имущество и ценности, а татарские школы работали по учебным планам и программам конфессиональных учебных заведений.

Для ведения национально-религиозной политики среди народов, исповедовавших ислам, при наркомате по делам национальностей был создан мусульманский комиссариат, а также соответствующие структуры на местах. В Тюменской губернии таким органом являлся учрежденный в апреле 1918 г. комиссариат по делам мусульман (с 1920 г. — отдел национальных меньшинств), подчинявшийся исполкому губернского Совета [4]. В период «демократической контрреволюции» и колчаковщины он был распущен и возобновил свою работу после восстановления советской власти. Тогда же для «ведения партийной работы на родном языке каждой национальности» аналогичные подразделения организуются при Тюменском губкоме и уездных комитетах РКП(б) и РКСМ. С их созданием было распущено Тобольское мусульманское национальное управление, объединявшее местных религиозных деятелей, не связанных с новой властью [5]. В то же время другая часть священнослужителей-мусульман, демонстрировавших политический нейтралитет, не подвергалась гонениям. Отношение к ним региональных органов советской власти можно охарактеризовать как переменчиво-спокойное.

Лишь с разгромом белого движения государственная политика начинает разворачиваться в сторону постепенного «выкорчевывания религиозных предрассудков» из сознания «отсталых» национальных групп. Своеобразным толчком к этому стал тяжелейший голод 1921 г., в условиях которого советско-мусульманские отношения переходят в политическую плоскость, увязываясь с идеологией классовой борьбы. В сложившейся обстановке закрывались мечети, медресе, мусульманские библиотеки. «Ликвидационные комиссии» брали на учет материальные ценности религиозных общин, объявляя их «народным достоянием». Последствия этой акции оказались противоречивыми. С одной стороны, «красногвардейская атака» на ислам вызвала волну протестов в кругах ортодоксально настроенных верующих и всплеск конфликтности, недоверия к советской власти, с другой — ускорила процесс расслоения в мусульманской среде, сопровождавшийся в том числе и усилением примиренческого крыла, пытавшегося приспособиться к существующему строю. Учиты-

вая склонность к компромиссу части мусульман, губернская власть внесла определенные коррективы в национально-религиозную политику и, пытаясь изолировать ортодоксов, сделала определенные шаги навстречу примиренческим тенденциям.

В начале 1923 г. мечети и их имущество были возвращены верующим в «бесплатное и бессрочное пользование». Однако если раньше культовые здания являлись собственностью религиозных общин, то теперь между ними и органами власти заключались договоры аренды, в которых предписывалось «беречь народное достояние», «не допускать проведения в мечетях политических собраний», «раздачи книг и листовок, направленных против советской власти» [6]. В случае нарушения этих условий органы государственной власти получали право расторгнуть договор в одностороннем порядке и закрыть мечеть.

Договор об аренде молитвенного здания обеспечивал мусульманской общине статус официально зарегистрированной. Она должна была принять устав и ежегодно представлять списки священнослужителей и прихожан, которые позволяли властным структурам вести учет верующих и организовать контроль над ними. Причем из хранящихся в архивах документов видно, что в этот период членами мусульманских организаций в регионе состояло чуть ли не все взрослое население татарских деревень [7].

Религиозная «реформа» 1923 г. сопровождалась комплексом мер, направленных на дискредитацию ислама. С этой целью при тюменском филиале Союза воинствующих безбожников создается татарская секция «Дагриляр». Основное внимание она уделяла работе среди городского населения, в особенности среди молодых рабочих и служащих, которые в отличие от мусульман сельской местности находились в интонациональном окружении и в той или иной мере зависели от администрации «своих» предприятий или учреждений. Пользуясь поддержкой официальных структур, «Дагриляр», однако, вскоре сам оказался под их контролем и превратился в своеобразный «филиал» партийных или советских организаций. Их представители входили в окружные советы общества, определяли направление и планы его работы. По указанию партийных органов в практику «Дагриляра» стали внедряться «про-

токолы мероприятий по атеистическому воспитанию», в которых фиксировались сведения об участниках той или иной религиозной акции, выступления в защиту ислама. Выявив таким способом активных верующих, «Дагриляр» приступал к их индивидуальной обработке, а в случае неудачи навешивал ярлык «неблагонадежных».

Среди «форм» работы общества — диспуты со сторонниками ислама, антирелигиозные спектакли, издание печатной продукции с сюжетами издевательско-примитивной насмешки над служителями культа и т. п. Особую активность ячейки «Дагриляр» проявляли в период Рамазана, завершающегося праздником Курбан-байрам. Правда, эти мероприятия далеко не всегда достигали поставленных целей. Более того, после некоторых из них между атеистами и верующими возникали острые конфликты, рвались дружеские или соседские связи. Об «эффективности» используемых обществом форм работы можно судить, например, по тому, что в 1925 г. оно даже рекомендовало своим ячейкам отказаться от проведения антирелигиозных диспутов, в которых, как показала практика, перевес чаще всего оказывался на стороне верующих.

Одним из важных инструментов в пропаганде атеизма являлась печать. Если до 1922 г. печатная продукция на языках мусульманских народов поступала из Москвы, то затем ее издание было организовано в регионе. Так, в Тюмени стала выходить газета «Юксыллар чаткысы» («Искры пролетариата»), являвшаяся органом мусульманского бюро губкома РКП(б). Однако, по признанию самих журналистов, ее популярность среди мусульман была «очень низкой» [8].

Одна из причин низкой результативности антирелигиозной пропаганды заключалась в том, что мусульманское духовенство по-прежнему оставалось реальной силой, которая тысячами нитей была связана со своими прихожанами: пыталось защищать их интересы перед администрацией, поддерживало в трудную минуту, оказывало немалое влияние на семейно-брачные отношения. Особой поддержкой, порой фанатичной, служители культа пользовались среди женщин. Как следствие, в спорных ситуациях мнение мулл для многих мусульман оставалось решающим и к нему прислушивались даже на выборах депутатов местных советов [9].

Таким образом, религиозная политика первой половины 1920-х гг. была направлена на включение масс верующих в контекст советского времени и полностью вписывалась в планы создания атеистического государства. Однако, вопреки стремлению власти, она не прервала социокультурную традицию, фундаментальной частью которой оставался ислам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 644. Л. 38.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 17–18.
3. Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 114.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 123. Л. 45.
5. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 284. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.
6. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 306. Л. 203.
7. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1184. Л. 5, 7, 9–12.
8. Трудовой набат (Тюмень). 1924. 27 янв.
9. ГАСПИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 901. Л. 79.